

ВЗГЛЯДЫ С.А. КОТЛЯРЕВСКОГО НА КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ

© 2008 г. Н. В. Кроткова¹

Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) – видный русский либерал, общественный деятель, крупный ученый-юрист, сочинения которого отразили переход России от дуалистической монархии к советскому государству. Он был свидетелем введения и скоротечной гибели конституционных начал в предреволюционной России и создания советского конституционного строя. Конечно, исследование Основных Законов Российской Империи и текстов первых советских конституций проводилось им в разных политических и идеологических условиях (что не могло не наложить соответствующий отпечаток), но его острый аналитический ум сумел выхватить существо рассматриваемых конституционных режимов, их слабые и сильные стороны.

С позиции разработанных им самим подходов и принципов правового конституционного государства² Котляревский предпринял попытку рассмотреть государственное устройство России в период существования так называемой думской монархии. В 1912 г. выходит его книга “Юридические предпосылки русских основных законов”, где дается обстоятельный критический анализ конституционных актов Российской Империи и практики их применения. В своих различных сочинениях Котляревский подчеркивает, что после издания Манифеста 17 октября 1905 г. российская монархия и с точки зрения формально-юридической, и по существу является конституционной и ограниченной. “Очевидно, – утверждает он, – наши Основные Законы принадлежат к классу писанных конституций. В этом законы 23 апреля 1906 г. не представляют ничего оригинального, и то обстоятельство, что они не называются конституционными, не меняет сущности дела... 23 апреля 1906 г. Россия получила конституционную хартию”³. Манифест 17 октября, считает Котляревский, установив законодательные полномочия Государственной думы, разделил государственную власть между монархом и парламентом⁴.

Примечательно, что указанная работа пишется им в относительно стабильный период развития России, когда многим политическим деятелям казалось, что эпоха социальных катастроф закончилась для страны или, как минимум, отодвинулась на неопределенное время. Сам он обращает внимание на тот факт, что конституционные акты принимались в обстановке революционной смуты, в качестве средства умиротворения общества, что могло, по его мнению, создавать впечатление очередного политического маневра власти. Однако при всей хаотичности и непоследовательности действия власти, полагает юрист, привели к заметным изменениям в государственном устройстве страны. В этой связи Котляревский ставит перед собой задачу не просто провести формально-догматический анализ российских конституционных актов, но понять – является ли конституционная реформа стойкой тенденцией, коренящейся в глубинах народной жизни, либо простым набором случайных фактов, которые через некоторое время уйдут в историческое небытие. Иначе говоря, за, казалось бы, ординарным политико-юридическим анализом конституционных актов думской монархии кроется стремление Котляревского уяснить для себя один из ключевых вопросов русской истории: будет ли Россия правовым демократическим обществом западного типа, либо ее ожидает развитие в русле традиционного российского деспотизма? Юрист, образно говоря, хочет прислушаться к глубинным ритмам русской истории и узнать (или угадать) возможные векторы ее движения.

Для достижения поставленной задачи Котляревский избрал довольно типичный для отечественных авторов сравнительный способ исследования: рассмотреть предпосылки, причины и закономерности конституционного оформления монархий на Западе и в России через призму сопоставления этих двух различных в культурном отношении регионов.

Отличительной чертой развития монархий на Западе была, по Котляревскому, их тесная связь с правом. Европейским монархиям не было свойственно устанавливать власть исключительно на голой силе, они всегда стремились обосновать свое верховенство путем создания соответствующих юридических формул и идеологических конструкций. Необходимость в юридическом и идео-

¹ Заместитель главного редактора журнала “Государство и право”, кандидат юридических наук.

² См.: Кроткова Н.В. С.А. Котляревский как теоретик правового государства // Гос. и право. 2006. № 11.

³ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912. С. 6.

⁴ См.: там же. С. 9.

логическом обеспечении монархической власти была вызвана, полагает русский юрист, как минимум, двумя причинами: 1) наличием у монархов сильных политических противников (церковь, дворянство и другие сословия), с которыми они вынуждены были идти на компромисс, и 2) влиянием античного (прежде всего римского) легистского наследия. Сильнейший толчок конституционному творчеству дали буржуазные революции и последовавшая за ними эпоха реставрации, когда монархия, дворянство и буржуазия вынуждены были искать юридические формы политического компромисса.

Котляревский обращает внимание на тот факт, что вращение монархии в новые политические условия подавалось монархической властью как добровольное самоограничение, выражающее суверенную волю короля. В этом случае юридическая регламентация ограничения королевской власти не только отражала объективную расстановку политических сил, но выступала также в качестве средства поддержки и сохранения монархических институтов. Пример наиболее естественного вращивания монархий в конституционный строй дали, по его мнению, немецкие княжества, где ограничение монархической власти в целом проходило без революций и действительно принимало вид добровольного самоограничения.

Трансформация европейских монархий из абсолютных в конституционные и правовые предполагала, подчеркивает Котляревский, отказ в той или иной степени от идеологии и практики патримониальной государственности. “Государственная власть... вовсе не *dominium*, не собственность, – утверждает русский юрист, – а функция, осуществление которой определяется общим государственным порядком и направляется в идее интересами общими, а не частными интересами людей, которым вверена данная власть. В этом бескорыстном, так сказать, характере лежит один из важнейших критериев, позволяющих различать отношения права публичного от права частного. Признание за конституционным монархом полноты власти *quo ad ius* отбрасывает нас в строй понятий патримониального государства с его безнадежным смешением этих двух разветвлений права”⁵. Речь идет о том, что государство должно считаться не объектом частного права монарха, не собственностью монарха, а субъектом публичного права, в рамках которого монарх – только один из государственных органов. Понимание государственной власти как социальной функции логически влечет за собой, полагает Котляревский, идею ее ответственности перед обществом, что, конечно, требует соответствующего конституционного оформления.

⁵ Там же. С. 192.

На Западе, по мнению русского юриста, суверенитет монарха сменился суверенитетом народа, при сохранении внешних атрибутов монархии правосознание европейских народов прочно связывает источник государственной власти с идеей общественного договора. Вместе с тем он отмечает, что и суверенитет монарха, и суверенитет народа суть проявления силы, которые должны быть уравновешены началами права. Государство независимо от формы правления и принципов конституционного устройства должно быть правовым, что на Западе в большей или меньшей степени стало реальностью. Европейский опыт, делает вывод Котляревский, доказал, что монархия вполне совместима с демократией, с началами правового государства.

В России, с его точки зрения, развитие монархии всегда отличалось слабой связью с правом. “Положение монарха, – пишет он, – часто имеет гораздо более глубокое историческое, чем юридическое обоснование. Правовые определения этой власти, формулы законодательных памятников и учредительных хартий – только поверхностный слой, который накинута на веками отлаженные плоды побед и поражений в борьбе с окружающими социальными силами, на отпечатлевшиеся привычки, верования и чувствования. Русская история была исключительно бедна устойчивыми юридическими отношениями, и к ней это особенно применимо”⁶.

По логике Котляревского, русское средневековье не создавало предпосылок для более или менее систематической регламентации деятельности государственной власти. Юрист не разделяет в полной мере сформировавшееся в XIX в. мнение о том, что русская монархия есть продолжение традиций византийской государственности. Влияние Византии, рассуждает он, было скорее внешним, поверхностным, на уровне восприятия в самом общем виде идей о самодержавной власти. В своей сердцевине русская монархия вырастала из недр самобытной народной жизни, крестьянского и военного быта, далекого от мира юридических конструкций. Если в Византии, прямой наследнице Римской империи, проходила интенсивная юридическая жизнь, были созданы классические памятники права, то в русском средневековье можно найти лишь фрагментарную, хаотичную юридическую деятельность. Московское царство, по Котляревскому, представляло собой фактическое, бытовое самовластие, не чувствовавшее потребности закрепить свою организацию в юридических формулах. Словесно-представительная монархия была в этом смысле не юридически оформленным разделением властей, не правовой формой ограничения монарха, а про-

⁶ Там же. С. 130.

стым разделением труда. Династический кризис смутного времени поставил вопрос формально-го разграничения между единоличной властью царя и правами высших государственных органов, но после утверждения династии Романовых юридическая сторона существования монархии вновь ушла на второй план, уступив место быту.

Только при Петре Великом, полагает Котляревский, впервые возникает традиция регламентировать деятельность власти и ее органов. В эпоху петровских реформ, потребовавших создания сильной и эффективной власти, границы деятельности государства существенно расширяются. Государственная власть, стремясь с помощью указов Петра максимально укрепить свой суверенитет, устанавливает порядок беспрекословного повиновения, юридический по форме и деспотический по существу. Ученый подчеркивает, что регламентация деятельности государственной власти (довольно поверхностной) была вызвана не желанием ввести ее в рамки права, а стремлением усилить ее неограниченный, самовластный характер. В этом смысле правотворческую деятельность Петра I он справедливо рассматривает как один из способов юридического закрепления абсолютизма. “Екатерине II, – замечает Котляревский, – пришлось уже не утверждать, а оправдывать самодержавную власть и доказывать, что она проистекает не из пренебрежения к человеческой свободе, а из объективных условий жизни огромного по своей территории государства”⁷.

Усложнение государственного аппарата и государственной жизни в целом в XVIII – начале XIX вв., полагает Котляревский, поставило вопрос о создании высших органов государственной власти и соответственно о пересмотре статуса верховной власти. Понимание власти монарха как единственного источника полномочий должностных лиц начинало встречать большие трудности. В этой связи конституционные проекты М.М. Сперанского он рассматривает как попытку модернизации российского государственного аппарата. Данные проекты, с точки зрения Котляревского, несмотря на постигшую их неудачу, стали основой конституционных реформ в начале XX в. “Русским монархам XIX века, однако, – делает оговорку русский юрист, – конституционная идея не была принципиально чужда. Александр I даровал конституцию Финляндии и Польше и в весьма большей степени содействовал тому, что Франция вместе с возвратившимися Бурбонами получила конституционную хартию 1814 г. Александр II дал Финляндии сеймовый устав и привел там в действие, так сказать, конституционный ме-

ханизм, а также способствовал установлению политической свободы в Болгарии. В словах Александра I и Александра II можно найти указания и намеки на то, что сама Россия имеет, рано или поздно, перейти к этому режиму”⁸.

Первое в русской истории реальное ограничение самодержавия Котляревский усматривает в реформах Александра II, когда были созданы независимый суд и местное самоуправление. Контрреформы Александра III были связаны, по его мнению, в основном с сохранением официальной концепции самодержавной власти.

Господство абсолютистской идеологии Котляревский считает одной из основных причин стагнации конституционного развития в России. Такой взгляд может выглядеть несколько односторонним, поскольку и независимый суд, и местное самоуправление с трудом вживались в российскую государственность не только потому, что мешала идеология, а в значительной мере потому, что эти конституционные институты во многом были чужеродны самому строю народной, мужицкой жизни. Вместе с тем следует признать, что русским либеральным чиновникам (М.Т. Лорис-Меликов, П.А. Валуев) и либеральным профессорами (А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Н.Н. Палиенко, А.С. Алексеев, В.В. Ивановский, А.В. Романович-Славатинский, Н.О. Кулеваский, Н.И. Лазаревский) последней трети XIX – начала XX вв., как правило, ничего не оставалось, как бороться за ограничение абсолютизма путем смещения юридических акцентов в трактовке официальной государственной идеологии. Одним из таких направлений в этой идеологической борьбе была обширная и длительная юридикополитическая дискуссия о содержании понятия “самодержавие”.

Насколько важна была для Котляревского данная дискуссия, говорит тот простой факт, что он рассматривал различные ее оттенки на десятках страниц своей монографии (“Юридические предпосылки русских основных законов”). Многим авторам дискуссии, полагает он, было свойственно стремление провести мысль, что самодержавие совсем не обязательно предполагает неограниченный характер монархической власти. В основе разделения терминов “самодержавие” и “абсолютизм” Котляревский справедливо усматривает завуалированную попытку ограничить самодержавие. Профессора государственного права как бы исподволь хотели сказать обществу и власти, что русская монархия вполне может быть ограничена, оставаясь при этом самодержавной. При всей внешней выигрышности такой позиции Котляревский считает ее несостоятельной, так как специфика, контекст рус-

⁷ Там же. С. 134–135.

⁸ Там же. С. 139.

ской истории предполагают не только полную тождественность понятий “самодержавие” и “абсолютизм”, но, более того, абсолютизм является ядром русского самодержавия⁹.

Такая постановка вопроса совсем не означает, что юрист хочет отказаться от термина “самодержавие”. Здесь дело в другом. Вместо понятийной пары “самодержавие – абсолютизм” он предлагает проводить различие между “русской исторической монархией” и “русской юридической (т.е. конституционной) монархией”. Такое терминологическое нововведение имеет своей целью доказать, что (с точки зрения исторической) русская монархия изжила свою суть, свое ядро – абсолютизм. На новом этапе своего развития, после революции 1905 г., полагает Котляревский, она может существовать только в рамках конституционных и правовых. Всякое наполнение российского самодержавия историческим, абсолютистским смыслом чревато, по его мнению, революционной катастрофой.

Следует признать, что позиция Котляревского в дискуссии о понятии самодержавия более прямая, открытая и смелая, чем у многих других либеральных профессоров. Ученый четко констатирует, что современное государственное право России есть право переходного периода. Он оценивает современный ему конституционный строй России не как завершение реформ, за которые надо благодарить власть, а как начальный этап на пути трансформации абсолютистского государства в государство демократическое и правовое. Рассматривая Манифест 17 октября и последовавшие за ним конституционные акты как принципиальные политические завоевания, Котляревский при этом находит в них огромное количество негатива, “родимых пятен” абсолютистско-монархического режима. В его анализе конституционного строя думской монархии преобладает критический тон, оценок позитивных гораздо меньше.

“Великое”, “историческое” значение Манифеста 17 октября Котляревский усматривает в том, что этот документ зафиксировал начало конца исторической русской монархии, ввел основы конституционного строя. Юрист подчеркивает, что с точки зрения морально-политической и правовой, с точки зрения логики истории изданные монархом конституционные акты исключают легальную возможность их отмены. Возврат к абсолютной самодержавной монархии, полагает он, будет воспринят населением как противоестественная попытка навязать отжившие политические формы, как акт узурпации власти.

⁹ См.: там же. С. 146.

При всех недостатках конституционного строя думской монархии ученый видит в нем многообещающие возможности и перспективы в будущем.

Во-первых, учреждение Государственной думы создает условия для появления собственных стойких традиций парламентаризма, способных оказывать влияние на всю политическую жизнь страны. “Важнее, – отмечает Котляревский, – самая постоянная деятельность представительных учреждений, которая, одною длительной своей наличностью, создает новые и новые юридические положения, все глубже врезаются, так сказать, в самую толщу общественно-государственного целого и вырабатывает компетенцию, соответствующую условиям этой работы”¹⁰. Иначе говоря, Дума своей (пусть даже ограниченной) деятельностью вырабатывает инерцию своего собственного развития, становится частью национального быта и национальной политической культуры, рождает соответствующую среду, где право воспринимается как ценность.

Во-вторых, конституционная реформа, наделив Государственную думу законодательной компетенцией, провела четкую грань между законом и указом, если брать шире – между законами и подзаконными актами. С.А. Котляревский приводит в пример Н.М. Коркунова, который в своем известном сочинении “Указ и закон” пытался обосновать идею верховенства закона в условиях абсолютизма, что выходило искусственно и натянуто. Достоинство современного конституционного строя русский юрист видит в том, что закон здесь понимается исключительно как акт, принимаемый высшим представительным органом государственной власти. В этом случае в законе проявляется воля народа, а не воля монарха. Режим верховенства закона над указом демонстрирует обществу ключевое положение парламента в стране. Укрепление силы закона способствует, по Котляревскому, пониманию власти как общественной функции, смешение закона и указа, напротив, рождает впечатление о власти как средстве реализации частного или корпоративного интереса.

Закон, принятый парламентом, дает, с точки зрения Котляревского, четкий критерий правомерности или неправомерности действий должностных лиц. Если парламент принимает закон, развивает юрист свою мысль, устанавливает общую норму как критерий должного поведения, то вполне естественной будет выглядеть деятельность парламента по контролю за выполнением данной нормы. При наличии безответственного (в политическом и юридическом смысле) правительства право депутатского запроса относитель-

¹⁰ Там же. С. 205.

но незаконных действий высших должностных лиц неизбежно ведет к укреплению силы закона, а с ним и влияния парламента.

В-третьих, в работе правительства и Государственной думы есть, по Котляревскому, тенденция к установлению политической солидарности, возможные конфликты между ними имеют своим итогом компромисс. Современный конституционный строй России, полагает он, конечно, далек от системы парламентаризма. Вместе с тем «вокруг текста Основных Законов вырастает... ряд “соглашений” (conventions), требующих известного минимума политической солидарности, хотя бы центр тяжести государственного механизма, согласно категорическому решению, принятому при его постройке, неизменно помещался в правительстве, а не в палатах и не в избирателях»¹¹.

В-четвертых, конституционные акты думской монархии, по Котляревскому, с течением времени приобретают характер исторического факта, факта общественного правосознания и народной жизни, создавая тем самым базу для дальнейшего ограничения монархии. “Время, – пишет он, – неизбежно превращает монархию, так сказать, самоограниченную в монархию просто ограниченную – одним действием давности, и таким образом решает самый вопрос о природе нового строя...”¹².

Вместе с тем к конституционному строю России у Котляревского много серьезных претензий. Одна из основных состоит в том, что российское государство хотя и вышло из стадии “чистой” патримоничности, во многом продолжает нести на себе ее яркие отпечатки. Конституционные акты России, полагает юрист, исходят из того, что форма правления в стране осталась прежней, они лишь закрепляют перемены, произведенные единоличной властью монарха. В концепции Основных Законов заложена традиционная абсолютистская идея: власть монарха – источник всех других властей и в этом качестве признается нераздельной. Государственная власть понимается как субъективное право монарха, как нечто ему лично принадлежащее. “Право Монарха расширять компетенцию Государственной Думы, – отмечает Котляревский, – жертвовать в ее пользу тем, что по закону относится к его единоличной власти, выражает у нас не верховенство законодательной власти, а скорее верховенство воли Монарха – выражает в форме, безусловно, чуждой типичному конституционному строю; самая компетенция Главы государства принимает черты некоторого субъективного права. Ясно, что при издании Учреждения Государственной Думы

20-го февраля и Основных Законов 23-го апреля сохранился целый ряд элементов господствовавшей ранее концепции Верховной власти. Она по-прежнему рассматривалась, как распорядительница наличным фондом государственной силы, хотя и ограниченная обязательным, а не факультативным участием законодательных органов”¹³. Такие установки, с его точки зрения, повлекли за собой, как минимум, два негативных следствия: 1) Дума признается преемницей Государственного совета, а не сословных учреждений; 2) безответственность монарха не дополняется ответственностью министров. Котляревский подчеркивает, что среди дуалистических, полуфеодальных монархий Россия – самая отсталая. Основные Законы, полагает он, близки к ранним немецким конституциям, оставшимся далеко в XIX в.

Государственная дума, считает Котляревский, по своему положению, объему полномочий, по организации работы серьезно проигрывает парламентам зрелых в правовом отношении стран. Порядок созыва и роспуска Государственной думы в необходимой мере не гарантирован, Основные Законы не устанавливают какого-либо минимального срока для ежегодной сессии Государственной думы. Иммунитет депутата существенно урезан, по сравнению с западноевропейскими конституциями. Депутаты фактически приравнены к чиновникам, а сама Государственная дума – к департаментам правительства, в силу чего иммунитет депутата охраняется не парламентом, а монархом (предание суду депутата зависит от его решения).

Компетенция Государственной думы в области законотворчества, полагает ученый, страдает существенными изъянами. Котляревский различает два аспекта закона – материальный (наличие нормы, направленной на определенный предмет регулирования) и формальный (порядок его принятия). Материальная сторона закона, связанная с предметом регулирования, указывает на такой существенный признак закона, как важность регулируемого общественного отношения. По его мнению, далеко не все акты, являющиеся законами в материальном смысле (т.е. имеющими большую общественную значимость), проходят в соответствии с Основными Законами через Государственную думу (например, из ее компетенции изъято военно-уголовное и военно-морское законодательство). Продолжает оставаться двусмысленным понимание закона в формальном смысле.

Если в условиях зрелого конституционализма под законом в формальном смысле понимается акт, принятый парламентом, то в России и после

¹¹ Там же. С. 213–214.

¹² Там же. С. 215–216.

¹³ Там же. С. 113.

Манифеста 17 октября законом зачастую продолжают считать акт, изданный монархом. Законодательная инициатива Государственной думы обставлена “исключительными необычными трудностями”, а Основные Законы могут быть пересмотрены только по инициативе монарха. У русского монарха нет обязанности вносить указы о введении чрезвычайного положения в Государственную думу с целью их утверждения. Государственная дума лишена права ратифицировать международные договоры и тем самым оказывать влияние на внешнюю политику государства. Законотворческая компетенция Государственной думы, заключает Котляревский, заметно меньшая по объему, чем это обычно принято при конституционном строе.

Бюджетная функция российского парламента представляется ему также в значительной мере урезанной. Авторы Основных Законов, по его мнению, исходили из противопоставления закона и бюджета. Бюджет, полагали разработчики, есть прежде всего акт управления и поэтому основные полномочия в бюджетной сфере должны принадлежать исполнительной власти. Котляревский также видел в бюджете акт управления, но, учитывая его огромную важность для страны, считал необходимым оформлять его в виде закона. Юрист отвергает принятый в России принцип так называемого забронированного бюджета, согласно которому у парламента нет полномочий перераспределять денежные средства по различным статьям. Вместе с тем он полагает, что бюджет – “связанный” закон, т.е. процедура его принятия должна быть ограничена жесткими рамками. В частности, парламент, принимая бюджет, не вправе его отклонить, поскольку в этом случае, по Котляревскому, он из области права вступает в область силы. В бюджетном процессе юрист усматривает одно из проявлений правового самоограничения, направленного на формирование правового государства.

Контрольные полномочия Государственной думы также, считает ученый, не отвечают европейским стандартам. Самое яркое проявление ограниченности контрольных полномочий – отсутствие юридической и политической ответственности правительства перед парламентом. У Государственной думы нет права возбуждать дела о судебной ответственности высших должностных лиц. Право депутатского запроса ограничено случаями нарушения законов, принятых парламентом. Но поскольку, справедливо рассуждает Котляревский, в России и после Манифеста 17 октября под законом продолжали понимать и акты монарха, за рамками депутатского запроса оказывалась значительная сфера общественных отношений. По своим контрольным функциям Государственная дума, делает вывод юрист, – орган более совещательный, чем законодательный.

В своей оценке политического строя думской монархии Котляревский предстает не просто специалистом в области конституционного права, проводящим объективный сравнительный анализ конституционных актов Российской Империи с конституциями других стран, он выступает здесь как либерал-западник, который хочет видеть Россию правовым демократическим государством. Котляревский – не просто юрист-исследователь, он – идеолог, проводник западных политико-правовых ценностей, с оптимизмом ожидавший переустройства России на демократический, либеральный лад. Гражданский долг русского юриста, утверждает он, состоит в том, чтобы принимать “посильное участие в деле созидательного обновления родной земли и в разрешении поставленной пред нею (русской юридической наукой. – Н.К.) великой, ответственной задачи – привить к мощному многовековому стволу русской исторической государственности драгоценные плоды политического и культурного опыта западноевропейских обществ”¹⁴. Однако Россию ждала не демократизация и либерализация, а русский мужицкий бунт, закончившийся установлением жесточайшего тоталитарного строя – советской власти. Русское крестьянство (а это подавляющее большинство народа) отвергло либеральные ценности, западный политико-правовой опыт. Котляревский в своей оценке перспектив развития российской государственности ошибся. Гораздо ближе к пониманию русской истории оказались В.С. Соловьев и Ф.М. Достоевский, которые пророчили России в XX в. не демократическое благоденствие, а кровь и социальные катастрофы.

В советский период своего творчества Котляревский написал едва ли не больше, чем до 1917 г.: около десятка монографий (в основном по финансовому праву) и большое количество статей. Многие из его трудов смогли бы сделать имя любому автору, возведя его в ранг видных деятелей советской юридической науки. Он одним из первых провел систематический анализ финансовой деятельности Советского государства первых лет его существования, дав немало ценных рекомендаций практического характера. Его по справедливости можно считать одним из тех, кто стоял у истоков формирования советского государственного, административного и финансового права.

Вместе с тем следует отдавать себе отчет, что работы Котляревского советского периода есть в значительной мере вынужденный акт человека, который, находясь под угрозой политических репрессий, решил все-таки продолжить работать в области юридической науки. Ничто не указывает на то, что ученый проникся идеями марксизма-ле-

¹⁴ Там же. С. 217.

низма, став убежденным участником социалистического строительства. Напротив, можно с большой долей вероятности предположить, что Котляревский, находясь где-нибудь в эмиграции, довольно резко отзывался бы о политическом строе в СССР. Конечно, история знает случаи радикальной трансформации мировоззрения политических деятелей (например, бывший народоволец Л.А. Тихомиров), но представляется, что Котляревский – не из их числа.

Свои монографии ученый написал в основном до середины 20-х годов XX в., когда советский политический режим еще только формировался, не был еще тотальным монолитом, имел идеологические бреши, что позволяло многим советским обществоведам высказывать не только установленные партией догмы, но также и свои собственные мысли. В первой половине 20-х годов в советской юридической науке был еще известный теоретический и методологический плюрализм. Весьма показательно, что в условиях относительного идеологического плюрализма работы Котляревского отличаются подчеркнутым формально-догматическим анализом, стремлением уйти от ценностных вопросов и метаюридических проблем. Основные задачи его работ советского периода – совершенствование советского государственного аппарата, установление пробелов в законодательстве, выработка предложений по устранению параллелизма в деятельности государственных органов и оптимизации их работы. Для сравнения: в работе “Юридические предпосылки русских основных законов” при всей ее формально-догматической направленности Котляревский ставит перед собой задачи, качественно отличающиеся и по идеологической направленности, и по масштабности. В оценке политического строя думской монархии Котляревский – не просто юрист-исследователь, он – идеолог либерализма, четко и ясно заявляющий о своей позиции, о необходимости переустроить Россию на демократический лад. Ничего подобного в его работах советского периода нет.

После покаянных признательных показаний, данных Котляревским на следствии в ВЧК, его послеоктябрьские работы смотрятся вполне естественно, не вызывает удивления отказ (во всяком случае, внешний) от ценностей правового государства. Возможно, кто-то захочет назвать его ренегатом, приспособленцем (ведь он мог ничего и не писать при советской власти), но следует отдать ему должное: он, хотя и стал лояльным к советской власти профессором, тем не менее постарался остаться на позициях объективной науки и не выполнять функцию партийного идеолога, что было так характерно для советского типа ученого-обществоведа. Котляревский хорошо чувствует принципы организации и цели советской власти, поэтому его анализ конституционных и адми-

нистративных актов СССР предметен и точен, он практически не делает идеологических ошибок. В известном смысле он лучше многих партийных функционеров понимает смысл советского политического строя.

Однако по всему видно, что Котляревский-ученый советского периода не обладает той энергией и полетом мысли, как в дооктябрьскую эпоху. В его “советских” работах ощущается внутренняя скованность, зажатость политическими и идеологическими рамками. Если сравнить сочинения Котляревского с трудами, например, П.И. Стучки или М.А. Рейснера, то работы последних значительно более откровенны, в них больше критики и методологического плюрализма. Это и понятно, поскольку П.И. Стучка или М.А. Рейснер – свои, они могут себе это позволить, а Котляревский – бывший враг, его критика могла быть воспринята как “вражеская вылазка”. Или, например, взять евразийца Н.Н. Алексеева, который, находясь в эмиграции, дал блестящий анализ (хотя и не всегда объективный) государственно-го устройства СССР. Его работы отличаются ярко выраженным концептуальным характером, изобилуют обобщениями и оценками. У Котляревского ничего подобного нет, в его сочинениях большое место занимает нейтральное комментирование, разбавленное отдельными предложениями административно-технического характера. Удивительно, но Котляревский в своих многочисленных монографиях и статьях советского периода ничего не говорит о партийной структуре, партийных органах, тогда как уже в первой половине 1920-х годов было видно, что партийные, профсоюзные и комсомольские органы фактически стали частью государственного аппарата. Организацию советского федерализма, систему советов невозможно представить без коммунистической партии, которая, без сомнения, была ядром политической системы СССР. Анализ Котляревским советского федерализма без упоминания роли коммунистической партии выглядит очевидным пробелом. Такую позицию умолчания можно объяснить только одним: нежеланием юриста обсуждать политические вопросы из-за страха возможных репрессий.

Котляревский в своих взглядах на советский конституционный строй, советский федерализм местами бывает эклектичен, стремится соединить отдельные положения своих дореволюционных работ с партийными установками большевиков. На данное несоответствие справедливо указывал Н.Я. Куприц, отмечая, что Котляревский находился “под влиянием буржуазной методологии”, использовал формально-догматический метод в отрыве от жизни, а советскую федерацию причислял к федерациям с оговорками¹⁵. Не всту-

¹⁵ См.: Куприц Н.Я. Из истории науки советского государственного права. М., 1971. С. 25–26, 109, 166.

пая в полемику о достоинствах и недостатках методологии марксистско-ленинской и “буржуазной” юридической науки, следует признать, что Н.Я. Куприц точно уловил диссонансы в оценке Котляревским советского строя. Русский юрист, профессор дореволюционной формации не сразу усвоил стилистику советского обществоведения. Так, анализ советской федерации Котляревский, как правило, проводит в сравнении с другими федерациями мира, тем самым как бы их уравнивая и невольно показывая, что советская и “буржуазная” федерация – явления почти одного порядка. С объективной, научной точки зрения советская федерация может и должна быть встроена в общую классификацию федераций, но в контексте сталинской эпохи проведение аналогии между советским федерализмом и федерациями буржуазных стран могло выглядеть как скрытая критика советской власти, как “буржуазная идеологическая диверсия”.

Рассматривая советский конституционный строй в основном с формально-догматической точки зрения, Котляревский, тем не менее, пытается дать (робко и несколько неуклюже) и политическую характеристику общественного устройства Союза ССР и его республик. Так, он отмечает, что советский общественный строй “возник в эпоху великих разрывов со вчерашним прошлым и великих неизведанных возможностей будущего”, а сам Союз ССР есть нечто совершенно новое¹⁶. СССР представляет собой социалистическое государство “с гораздо большей сферой прямого воздействия на окружающую жизнь, чем это имеет место в других государствах”¹⁷. Котляревский подчеркивает, что современному государству (любому, в том числе и буржуазному) при всем многообразии его функций свойственно единство, и это тем более касается советского государства, где на конституционном уровне отрицается принцип разделения властей. В условиях советского государственного строя нет противопоставления властей друг другу, а само разделение властей не считается гарантией в обеспечении гражданских свобод. Советский государственный строй носит строго монистический характер, его предпосылкой является диктатура дружественных классов – пролетариата и крестьянства, которым принадлежит вся полнота власти, осуществляемой посредством Советов. Полнота власти Советов исключает независимость и обособленность суда. Однородность социальной базы советской системы является надежной гарантией против антагонистического противопоставления государственных органов

друг другу¹⁸. Увлекаясь и несколько льстя режиму, Котляревский даже говорит о том, что советской системе по существу совершенно не свойствен бюрократизм¹⁹, что противоречило, конечно, и практике советской власти, и оценке этого явления В.И. Лениным, видевшего в бюрократизме одну из главных угроз молодому советскому строю.

Повторяя за партийно-советскими документами эти идеологические клише, Котляревский, тем не менее, указывает на конфликт интересов, вполне возможный в рамках советского строя. Однако он тут же разъясняет свою позицию: “Но и здесь по смыслу советского строя нет той социально-политической противоположности или хотя бы существенного различия, которые сказываются в буржуазных государствах в отношениях центральной власти и местного самоуправления. И даже между союзом и отдельными частями в области автономно-федеративной, между союзной властью и автономной и союзной республикой, где, несомненно, могут проявляться различные национальные отталкивания, они остаются в пределах общей социальной базы – общей для крестьянина РСФСР, Украины и Грузии, для рабочего в Москве и в Баку.

В пределах этой социальной базы, на которой основана советская власть, возможно существование различия интересов города и деревни, промышленности и земледелия, рабочих и крестьян, крестьян местностей, которые могут вывозить хлеб, и местностей, которые его должны ввозить. Но столкновения и примирения и здесь происходят внутри общих советских органов. Все они признаются рабоче-крестьянскими”²⁰.

Подчеркнутый политический индифферентизм Котляревского наблюдается при рассмотрении им положения общественных организаций в СССР. Он пишет: “Если в советском строе взаимоотношения государства и общества радикально отличаются от того, что имеет место при обычном буржуазном строе, то особенно в условиях новой экономической политики явственно обнаруживается и здесь наличие общественной сферы, которую государство не рассматривает, как нечто ему непосредственно принадлежащее”²¹. Ссылаясь на В.И. Ленина, С.А. Котляревский считает, что “было бы величайшей ошибкой в кооперативном деле идти путем искусственной централизации, забывая, что все строится на первичном кооперативе”²². Казалось бы, Котля-

¹⁶ См.: Котляревский С.А. СССР и союзные республики. М., 1924. С. 3, 11.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ См.: Котляревский С.А. Бюджетное право РСФСР и СССР. М.–Пг., 1924. С. 17–18.

¹⁹ См.: Котляревский С.А. Развитие советского законодательства о местном хозяйстве. М., 1928. С. 14.

²⁰ Там же. С. 18–19.

²¹ Котляревский С.А. СССР и союзные республики. С. 131.

²² Там же. С. 135.

ревский, не забыв о своем либеральном прошлом, хочет осторожно поднять здесь проблему формирования в СССР ростков самостоятельной инициативы, гражданского общества. Но на последующих страницах вопрос сводится к узкой юридикотехнической теме: к чьей компетенции – Союза или республик – должно быть отнесено правовое регулирование общественных организаций?

Основной предмет анализа в сочинениях Котляревского – принципы организации советской федерации и распределение компетенции между Союзом ССР и республиками. Образование СССР, отмечает юрист, поставило на повестку дня две основные группы вопросов для их “юридического истолкования”: 1) структура Союза ССР и его органов и 2) распределение компетенции между Союзом и республиками, между союзными и республиканскими органами власти. Если о структуре Союза ССР соответствующие нормативные акты говорят достаточно полно и точно, то законодательство, регулирующее сферу распределения компетенции, полагает он, изобилует пробелами.

Согласно своей классификации Котляревский относит союзную конституцию к разряду гибких: “Советской конституции вообще вовсе не свойственно предположение о какой-нибудь ее особой прочности, отличающей ее от обычного законодательства. В ней не принимается мер, должных существующих окружающих ее пересмотр, хотя бы и частичный, значительными затруднениями, как это часто мы видим в других федеративных конституциях”²³. Союзная конституция, справедливо отмечает он, закрепила первые шаги социалистического строительства, отличавшиеся динамизмом и известной хаотичностью. Быстротекущие изменения в советском государственном механизме делают неизбежным периодический пересмотр конституционного законодательства: “Пытаясь сформулировать даже сейчас, в 1925 году, взаимоотношения и компетенции Союза и союзных республик, когда уже многое значительно оформилось, можно быть совершенно уверенным, что через год или даже полгода придется эти формулировки существенно пересмотреть”²⁴. По причине динамизма в развитии советской федерации, утверждает юрист, союзные и республиканские органы вынуждены руководствоваться в своей деятельности не только конституцией, но также появляющимся новым опытом. Отсюда – неизбежная, по Котляревскому, расплывчатость, аморфность многих конституционных положений.

Как уже отмечалось выше, один из тезисов дооктябрьского периода Котляревский формулирует так:

между федерацией и унитарным государством различие скорее количественное, чем качественное, федерация и унитарное государство как формы политико-территориального устройства сближаются, поскольку в федеративном государстве нарастает тенденция к централизации, а в унитарном – к децентрализации. В советское время он продолжает оставаться в целом на той же позиции. И в дооктябрьский, и в советский период своего творчества Котляревский занимал несколько двойственную позицию в понимании формы политико-территориального устройства. С одной стороны, стараясь придерживаться классических юридических представлений, он проводит довольно четкое формальное различие между федерацией и унитарным государством, но с другой – утверждает, что юриспруденция еще не дала точного и бесспорного определения федеративного государства и что между федеративным и унитарным государством есть ряд промежуточных политико-территориальных образований, которые с большим трудом могли бы вписаться в одну из существующих классификаций.

Вместе с тем, несмотря на такой достаточно широкий подход в оценке федерации, Котляревский совершенно определенно заявляет о том, что советская федерация имеет серьезные отклонения от общепризнанных свойств федеративного государства. Существо своеобразия Союза ССР состоит в необычно широком политико-правовом статусе союзных республик: 1) республики признаются суверенными государственными образованиями; 2) республики имеют право свободного выхода из Союза; 3) республики имеют “директивные наркоматы”, решения которых не вправе отменить союзные наркоматы; 4) республики вправе участвовать в выработке союзного законодательства. Если подходить формально, рассуждает юрист, то СССР – это не союзное государство, а союз государств, т.е. довольно рыхлое и аморфное политическое образование. Однако, отмечает он, если оценивать советскую федерацию по существу, с учетом целей, поставленных в Договоре об образовании СССР, и в контексте реальных полномочий союзных органов государственной власти, то советское государство – типичная федерация. “Важно не вопрос об отнесении СССР к тому или другому типу, – полагает Котляревский, – достаточно искусственному и отражающему на себе старомодную юридическую схоластику, от которой мы постепенно отучаемся, важна реальная организация и распределение прав и обязанностей”²⁵.

При рассмотрении советского федерализма юрист привлекает мировой опыт в создании федераций, который, по его мнению, указывает на

²³ Там же. С. 125.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Котляревский С.А. Бюджетное право РСФСР и СССР. С. 142.

тенденцию к централизации: “Создаваясь в обстановке столь различной и по физико-географическим ее особенностям, и по социально-экономическим ее основам, со всеми их культурно-политическими разнообразиями, — эти федерации все же отражали в дальнейшей своей жизни некоторую общую тенденцию, и она шла скорее в направлении сплоченности данной федерации, чем ее разделения. Ведь самые федеративные организации обычно возникали на почве прежде независимых или почти независимых государств. Самая федерация была выражением их объединения, некоторым шагом к их централизации, и нас не удивит, что в конце XVIII века, в эпоху создания конституции Соединенных Штатов, федералистами в Америке именовались люди, подобные Гамильтону, Мадисону, Джею и т.д., которые в сущности для своих современников представляются именно централистами”²⁶.

Сплочение федераций обусловлено, по Котляревскому, двумя факторами: 1) развитием капитализма и империализма и 2) ростом рабочего движения. Промышленный и финансовый капитал по природе своей, считает ученый, тяготеет к объединению, созданию единых центров, и данный экономический процесс не мог не сказаться в политической сфере внутри страны. На международной арене борьба между империалистическими государствами за передел территорий, рынков сырья и сбыта неминуемо ведет к укреплению центральной власти. Расширяющееся рабочее движение со своим стремлением к объединению также способствует усилению центростремительной тенденции. Данные факторы, утверждает Котляревский, влияют и на советскую федерацию.

Проводя некоторую аналогию между советской федерацией и федерациями зарубежными, Котляревский, как представляется, упускает из вида одно важное обстоятельство. Он верно указывает на тот факт, что, как правило, федерации возникают благодаря процессу объединения ранее независимых государств. Советская федерация, напротив, возникает как проявление распада некогда единого государства — Российской Империи. Для большевиков создание федерации (РСФСР и СССР) в известном смысле было вынужденным актом, поскольку процессы дезинтеграции России приобрели стойкий характер. Большевики не могли не разрабатывать идеологию советского федерализма, не могли не создавать федерацию на практике, так как сепаратизм стал фактом правосознания народов России и геополитической реальностью (одно из следствий гражданской войны). При строительстве российской федерации большевики, что называется,

“держали в уме” централистские принципы организации коммунистической партии, которая и должна была бы стать подлинным (хотя и несколько теньвым) средством единения страны. Коммунистический режим на несколько десятилетий законсервировал ставший необратимым процесс распада России, лишь отложив его на более позднее время. Советская федерация в этом смысле есть юридическая фиксация процесса распада некогда великой империи.

Имея в виду сказанное, мысль Котляревского о распространении на СССР общемировой тенденции централизации федераций следует понимать весьма относительно, с учетом исторической специфики образования советского государства. В СССР борьба централизации и децентрализации закончилась победой последней, хотя на заре советской власти многим (в том числе и Котляревскому) могло казаться, что стремление к централизму является не только ведущей тенденцией в развитии советского государственного аппарата, но и в какой-то степени — опасностью для этого аппарата. Поэтому Котляревский выступает за разумный баланс двух объективных тенденций: к централизму и децентрализации: “Во всех федеративных странах обычно существуют эти два течения, из коих одно стремится скорее и крепче сплотить части федерации, а другое всемерно отстаивает их самостоятельность и даже обособленность. Представители каждого из этих течений весьма легко забывают об относительности этих политических форм и их различий, об инструментальном характере, который должен быть присущ подобной федеративной организации, начинают возводить свои устремления и тенденции в некоторые незыблемые принципы, в которых, впрочем, не получается никакой подлинной принципиальности, а часто создается лишь неясное с точки зрения общечеловеческой, вредное с точки зрения политической доктринерство. Правильный подход к проблемам федеративного государства прежде всего требует совершенного отказа от этого доктринерства. “Принципиально” не следует быть ни централистом, ни федералистом и, предполагая наиболее целесообразным в данную минуту определенные отношения между центральной властью и членами федерации, желать закрепления этих отношений на вечные времена. Лучшее средство против этого доктринерства лежит в более живом социально-политическом воображении, которое превращает юридическую схему и формулу в наглядный рисунок, если не в настоящую картину. Когда централисты указывают, что в федеративном государстве проще решать дела и издавать законы из центра, они отрицают самый смысл федеративного устройства. Оно сложнее унитарного, хотя юридически границы между ними провести трудно, и оно обычно дороже последнего. Однако эта сложность и про-

²⁶ Котляревский С.А. СССР и союзные республики. С. 16–17.

истекающие из нее бюджетные последствия с лихвой возмещаются другими чрезвычайно ценными преимуществами. Может быть налицо такая обстановка, в которой создание федерации является совершенно искусственным делом, простым актом подражания, как это было, по-видимому, в некоторых средне-американских и южно-американских республиках. Но там, где прошлое провело достаточно отчетливые грани между различными областями и группами их населения, а настоящее эти грани не затушевало, там, где завещано многообразие бытовое и культурное, сохраняющееся, несмотря на всю центроостремительную силу, которая присуща современной промышленности, современному крупному городу, современной организации военного дела и внешней политики, там, в особенности, где рядом живут различные национальности, с их языком, бытом, культурой, с их стремлением сохранить эту культуру, часто уже пронесенную через великие испытания, и развивать ее далее, – там федеративное устройство есть форма, наиболее целесообразная, наиболее обещающая. Но все выгоды ее были бы утрачены, если бы, благодаря разобщенности частей, получалась военная слабость, экономическая отсталость, наконец, тот общий провинциализм и власть местного быта, под гнетом которого гражданин государства с населением во много миллионов превращается в местнички настроенного обывателя»²⁷.

Котляревский призывает при строительстве советской федерации не делать механических заимствований из зарубежного опыта, а руководствоваться целесообразностью. Он утверждает, что в СССР в силу его национального состава есть веские основания для федеративного устройства. При всем национальном разнообразии, полагает он, Союз ССР имеет общую социально-экономическую основу, обладает военно-хозяйственным и культурным единством, народы СССР связывает общая история и судьба. Основные черты союзного строя присущи всем союзным республикам. Единственный путь к единению и упрочению Союза – убеждение республик в необходимости такого единства, в республиках не должно возникать опасений “за свою национальную самостоятельность, за свои национальные права”. Соотношение в компетенции Союза ССР и республик, делает вывод Котляревский, должна выработать сама практика, но при условии сохранения суверенных прав республик.

В поисках необходимого баланса интересов Котляревский проводит детальный анализ взаимоотношений Союза ССР и республик, стремясь выстроить ту линию разграничения компетенции, которая может стать оптимальной для

успешного функционирования федерации. Внешняя политика, оборона, планирование хозяйства, промышленность, транспорт, связь, торговля, сельское хозяйство, лесное и горное дело, бюджет и финансы, труд, народное образование, здравоохранение, судостроительство, уголовное и гражданское право, уголовный и гражданский процесс, кооперация – вот сферы, где юрист дает свои предложения по разграничению компетенции Союза ССР и республик. Так, вопросы внешней политики, обороны, внешней торговли, концессий, займов, таможи должны, по его мнению, быть в ведении Союза. Стремление республик сохранить свое гражданство он расценивает как пережиток, от которого следует отказаться. Признавая необходимость планирования хозяйства, он выступает за некоторую децентрализацию в промышленности, считает необходимым часть отраслей передать в руки республик. Железные дороги, меры, весы, внутренняя торговля по преимуществу должны регулироваться союзным законодательством. И с политической, и с экономической точек зрения Котляревский считает правильным, что по Конституции СССР и конституциям союзных республик земля является собственностью республик, поскольку последние лучше знают свои регионы; излишняя регламентация сельского хозяйства со стороны Союза была бы нецелесообразной.

Регулирование труда требует централизации в реализации конституционного принципа “не трудящийся да не ест”, в обеспечении гарантий занятости и социального страхования, но установление конкретных норм трудового права следует отнести к компетенции республик. Участие Союза в народном образовании должно ограничиться выработкой общей политики и финансированием, введение конкретных форм образования должно остаться за республиками. Примечательно, что Котляревский не считает необходимым вводить в союзное законодательство нормы об общедоступном и бесплатном образовании, поскольку это должно быть увязано с финансовыми ресурсами государства. Он выступает против ведомственной военной медицины, поскольку последняя, оторванная от общей медицины, может деградировать. Курорты, по его мнению, должны находиться в собственности Союза, а не республик, и быть доступными всему населению страны. Вместе с тем управление курортами следует оставить за республиками.

Котляревский отмечает, что система налоговых поступлений по Конституции СССР весьма централизована и в целом отвечает финансовой эволюции федеративных государств. Важнейшие налоги, кредитно-валютное дело, операции с иностранной валютой, страхование, руководство трудовыми сберкассами он предлагает отнести к компетенции Союза. К республиканской компетенции следует отнести сравнительно второсте-

²⁷ Там же. С. 139–140.

пенные налоги и сборы, коммунальный кредит (с целью разрешения жилищной проблемы). В области доходов республик, полагает Котляревский, основные полномочия должны быть предоставлены Союзу, а в области расходов – республикам. Юрист одобряет лишение республик права эмиссии.

В условиях нэповской России, считает он, важную роль начинает играть гражданское и гражданское процессуальное законодательство. Котляревский скептически оценивает предложение отдельных советских юристов сделать гражданский кодекс общесоюзным. В принципе не исключая такой возможности, он, тем не менее, убежден в том, что гражданское законодательство должно идти снизу, от хозяйственной жизни, не забегая особенно вперед. В противном случае есть риск оторваться от жизни и создать искусственные, мертворожденные законы. Объекты вещного права, полагает он, должны быть установлены союзным законодательством, у республик не должно быть права изымать из частного оборота предметы, не определенные союзным законодательством. Правовое регулирование акционерных обществ Котляревский предлагает отнести к компетенции Союза, но товарищества с малым капиталом – к компетенции республик, поскольку на местах не надо препятствовать поиску новых хозяйственных форм. Наследственное законодательство должно отражать итоги прошедшей революции, с учетом нового социально-политического строя. Гражданские процессуальные кодексы, с его точки зрения, в гораздо меньшей степени, чем гражданское законодательство, отражают национально-территориальную специфику. Вместе с тем, полагает он, попытка создания союзного гражданского процессуального кодекса была бы преждевременной.

Характеризуя современное ему советское уголовное право, Котляревский указывает на размытость общих определений, даваемых в вводных статьях уголовных кодексов союзных республик, что, по его мнению, не всегда обеспечивает общность понимания и применения норм уголовного права. Юрист считает необходимым принятие общесоюзного уголовного законодательства с целью установления единой уголовной политики и единообразия в понимании терминов и норм уголовного права. Например, рассуждает он, Общая часть уголовных кодексов республик без труда могла бы войти в общесоюзное законодатель-

ство. Республиканские уголовно-процессуальные кодексы, по его мнению, отличаются детальным изложением стадий и процедур, чего нельзя сказать об уголовных кодексах, которые в настоящее время оставляют значительный простор суду.

Несколько на периферии, но все-таки звучит в работах Котляревского советского периода тема законности. В 1920-е годы, начиная с В.И. Ленина, в среде большевиков периодически обсуждалась тема революционной законности, по-разному понимаемой. Так, например, М.А. Рейснер рассматривает законность как следование революционному правосознанию, а В.И. Ленин – как режим общественной и государственной жизни, основанный на соблюдении законодательства, установленного или признанного советской властью. С.А. Котляревский в своем понимании законности ближе к В.И. Ленину. Законность, по логике Котляревского, необходима советскому строю как средство поддержания стабильности, элементарного порядка в экономике, политике и международных отношениях. Режим законности неразрывно связан с защитой частного капитала, а значит – с повышением производительности труда (НЭП). Законность необходима для справедливого товарообмена между городом и деревней, что должно, с точки зрения Котляревского, обеспечить союз рабочих и крестьян. Страна, где власть борется за торжество законности, вызывает доверие у мирового сообщества. И, наконец, законность необходима в деятельности государственного аппарата и суда. Примечательно, что в связи с темой революционной законности Котляревский ничего не говорит о проблеме репрессий как мере социальной защиты (ни в положительном, ни в отрицательном смысле), тогда как среди советских юристов данный вопрос в 1920-е годы обсуждался достаточно живо.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что сочинения Сергея Андреевича Котляревского, написанные около 100 лет назад, и в настоящее время все еще способны вызывать интерес у исследователей, поскольку представляют собой блестящий, строго научный анализ государственного строя России в переломную эпоху ее развития. Современные отечественные ученые, живущие в очередное “смутное время” русской истории, смогут найти много полезного и поучительного в трудах этого выдающегося юриста.